

Томаев Дзантимир Михайлович

ложения друга попытаться найти хозяев «Ригонды» он благоразумно отказался и предложил собутыльнику от греха подальше «похоронить» радиолу, что они и сделали, вырыв в углу участка небольшую audio-могилку.

За стихи Мирка любили девушки, несмотря на то что он всегда был «гол как сокол». В их глазах Мирок вполне мог соперничать даже с самим «солнцем русской поэзии».

Лежа на своих знаменитых сбитых собственноручно с помощью Гоши (Саши Васильева) полатях (кто и с кем там только не ночевал!), хозяин читал стихи столь проникновенно, что перед его обаянием ни одна девушка не могла устоять. А если серьезно, то, пожалуй, стихи Мирка, как и песни его дружка Пети Мамонова, это то небольшое, что позволит филологам будущего разобраться в умонастроениях нашего поколения семидесятников.

Наша юность, как переводная картинка, наложилась на эпоху хиппи; годы возмужания были прихлопнуты застоєм, и меньшинство из нас (половина уже на том свете) уже просто доживает.

Стихи Мирка — это скромная весточка от нашего поколения о наших чувствах и мечтах, вложенная в бутылку из-под портвейна «777» и унесенная струями любимой Москвы-реки вниз по течению, совсем недалеко, до Заречья, не дальше.

Для каждого из нас эти строчки — личное дело. Вот эти стихи:

*Не будет больше ни упреков,
Ни слез, ни жалоб, ни молитв,
Ни отбратительных пороков,
Ни сожалений о любви.*

*Любовь без края и начала,
Без сил, без крова, без тепла;
Висело на колу мочало, —
Нет, добрый сказочник, пора.*

*Забыты радости и муки,
Забыто все, и кол забит;
И нет руки, и нет поруки —
Чужое горе. Крепко спит.*

*Кому нужна чужая жажда,
Чужие планы, чья-то боль?
Зачем нам первый, пятый, каждый? —
Нет, без меня, меня — уволь.
И ты по-прежнему молчала,
Не возвращался мой гонец,
Зачем ты не была сначала,
Какою... стала наконец?...*

* * *

*Отпусти меня на Волю
От капли умирать,
От тоски и мутной боли
Утешение искать.*